

© 1999 г. В.В. ПОТАПОВ

К ДИНАМИКЕ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО РИТМА

Постулат об относительном характере ритма в наибольшей мере соотносится с функционированием речевого ритма в текстах прозы, что и явилось основным объектом исследования, проведенного в сравнительно-сопоставительном ключе на материале русского и немецкого языков, с учетом развития речевого ритма прозаических текстов в диахронии и его специфики в синхронии.

Ритм нестиховой (прозаической) речи (как письменной, так и устной), с нашей точки зрения, может быть определен как квазирегулярная повторяемость наиболее частотных для данного хронологического состояния языка и варьирующих под влиянием грамматического строя языка ритмических структур, характеризующихся специфической просодической оформленностью, и образующих интонационно-смысловые блоки в рамках синтагмы.

В качестве базовой единицы описания ритмической организации высказывания в работе рассматривается ритмическая структура (РС)¹, понимаемая как минимальная группа слогов, объединенных наличием одного централизованного ударения [Златовуста 1981]. Термин "ритмическая структура" (в отличие от родственного термина "фонетическое слово") подчеркивает принадлежность данной единицы к системе единиц ритма и представляет ее как структурно-организованный звуковой и слоговой комплекс.

Просодическая система языка на более ранних этапах своего развития (то есть в диахронии) включала ритмические единицы, которые состояли из акцентно самостоятельных слов, могущих образовывать отдельные РС, и клитик (как проклитик, так и энклитик) [Зализняк 1985].

В качестве более крупной единицы, в рамках которой осуществляется анализ исследуемого языкового материала, выбрана синтагма, рассматриваемая, как "фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли" [Щерба 1963: 86]. Многие фонетисты подчеркивают, что синтагма представляет собой единицу смыслового и формального плана одновременно, а способность образовывать интонационно-смысловое единство рассматривается как одно из основных ее свойств [Брызгунова 1963; Матусевич 1976 и др.].

На начальном этапе синтагма по Л.В. Щербе понималась несколько односторонне. В ней видели нечто субъективное и членение речи на синтагмы считали зависящим целиком и полностью от произвола говорящего. Причина подобного толкования заключалась в том, что считалось, что предложение, рассматриваемое вне контекста и ситуации, допускает различные варианты членения на синтагмы. "Но в наше время,

¹ Условная запись РС в виде дроби, числитель которой соответствует количеству слогов (класс РС), знаменатель – номеру ударного слога (тип РС).

пожалуй, уже никто не сомневается в том, что синтагматическое членение строго детерминировано содержанием высказывания и определяется правильной трактовкой этого содержания" [Зиндер, Маслов 1982: 57].

В нашем исследовании синтагма в терминах РС предполагает наличие либо одной, либо нескольких РС, соответствующих относительно законченному смысловому целому, которое может быть вычленено испытуемыми перцептивно, то есть при прослушивании текстов, а также на базе акустического анализа. В качестве основных признаков, характеризующих ритм синтагмы, рассматривалась длина синтагмы в РС и слогах, а также порядок следования РС в синтагме, что соответствует типам ритмических схем синтагм (РСС).

Ритмическая организация синтагм рассматривается, например, в работах [Златоустова 1996; Златоустова, Потапова, Потапов, Трунин-Донской 1997; Златоустова, Хитина 1988; Калиева 1992; Кривнова 1982; Потапова, Блохина 1986; Хитина 1986; Черемисина 1969; 1982].

В настоящее время появились работы, посвященные анализу синтагматического членения текстов оригинала и перевода этих текстов на другой язык [Saprok 1983]. Делается попытка с позиции двух концепций определения синтагмы проверить, насколько изменения в структуре синтагмы, основанные на переходе от одного языка к другому, влияют на понимание смысла в целом. Отграничение и выделенность (ударение), которые для синтагмы в плане выражения играют конститутивную роль, могут только тогда принимать на себя функцию сигнала, когда они не являются автоматической последовательностью составных элементов, а выступают совместно с другими лингвистическими составляющими сопоставимого характера. Парадигматический статус синтагмы (по Л.В. Щербе) не является жестко заданным и может охватывать единицу не только типа #...#. Этот статус можно определить с учетом различных языковых факторов: например, член предложения в родительном падеже как часть именного предиката не является синтагмообразующим; определение, выраженное прилагательным, выступает в синтагмообразующей роли, если оно распространено или меняет свою первоначальную позицию; причастие в качестве самостоятельной синтагмы имеет высокую функциональную нагрузку, если стоит в начале предложения и т.д. Сюда же относятся факторы, которые не зависят от первичной (исходной) синтагмы (по Ф. де Соссюру) и делают потенциально возможными автономию синтагмы (по Л.В. Щербе). Смысловая функция синтагмы в тексте прозы иная, чем в связной речи, а в связной речи иная, чем при метрическом членении (при условии совпадения или несовпадения с последним). Более того, в прозе художественной литературы иная, чем в деловой прозе и т.д.

Следует также отметить, что в настоящее время ведутся поиски возможной реконструкции, например, интонационных норм языка. В качестве примера можно упомянуть исследование на материале письменных текстов – русских "грамоток" XVII в. [Saprok 1988]. Известно, что письменные высказывания планируются и реализуются с установкой на то, что результирующий текст фиксируется и остается. При этом утрачивается доминирующий статус интонации. Письменный текст, тем не менее, может обнаружить типы членения, которые коррелируют с интонацией. Таким образом, в звучащем тексте это соотношение подлежит прямому наблюдению, а в письменном – косвенному: благодаря порядку слов, позиции частиц, актуальному членению и т.д., то есть благодаря различным особенностям построения текста, по которым можно воссоздать роль интонации в организации текста. Исходя из специфики сигналов членения письменного текста и их соотношения с окружающими конституентами, можно сделать гипотетические выводы о принципах реализации и типичного для того или иного текста структурирования интонационных контуров.

К числу таких полезных сигналов могут быть отнесены, например, различные формы обращения. Общепринятым сигналом членения в русских "грамотках" считается форма обращения с помощью лексемы **гсдр'** [Г. 1969; Котков, Панкратова 1964]. Элемент **гсдр'** занимает позицию между темой и ремой, что служит цели – отделить

друг от друга те две части текста, которые принадлежат различным информационным уровням. Релевантность интонационных средств выражения для членения "тема-рема" не вызывает сомнения. Следовательно, реконструировать это членение из текста можно было бы на базе данного сигнала. Если же есть сомнения в определении темы и ремы, что бывает довольно часто, то полезно выявление лексических или в целом сегментно выраженных сигналов членения. В этой связи целесообразно установление того, насколько системно организованной является функциональная нагрузка составляющих высказывание. Тем самым становится возможным как бы "заглянуть" в процесс развития перехода устного текста в письменный. Естественно, что разнообразные виды членения имплицитно речевой ритм текста и позволяют с известной долей вероятности воссоздать специфику ритмической организации речи применительно к тому или иному языку.

Некоторые исследования последнего времени посвящены проблеме речевого ритма близкородственных славянских языков с позиции диахронии [Поплавская 1995а; 1995б]. Так, истоки нестандартности белорусского аканья лежат за пределами фонематической системы как праславянского источника, так и балтийского субстрата. Когда одна генетическая линия накладывается на два близкородственных языка, должны существовать какие-либо различия между этими языками, по-разному модифицирующие развитие этой линии. Эти различия лежат в области ритма. Меньшая ритмичность белорусской речи в сравнении с русской, выражающаяся в меньшей степени изохронности междударных интервалов и слабой компрессии безударных слогов, предполагает принципиальную невозможность редукции белорусского [а] по типу редукции в русском языке. Ритм белорусского языка перцептивно чрезвычайно схож с ритмом литовского языка [Поплавская 1995а]. Эти наблюдения позволяют автору предположить, что ритм белорусского языка своей структурой обязан балтийскому субстрату, что объясняет его отличия от русского ритма. Специфическим ритмом белорусского языка с выраженной слогосчитающей тенденцией, предполагающей нереализуемость редукции (в привычном понимании), можно объяснить своеобразие белорусского аканья.

Некоторые особенности акцентуации, связанные с морфологической структурой слова, принимаются за характеристики, модифицирующие так или иначе общую акцентно-ритмическую тенденцию [Поплавская 1995а]. Однако, как правило, именно эти особенности наиболее полно ее отражают. Например, ударение на префиксе весьма частотное в русском языке, практически не встречается в белорусском: *прі́бранны́й* – *прыбра́ны*; *прі́званный* – *прызва́ны*.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что различные языки (в частности, русский и немецкий), рассмотренные в диахроническом ключе, характеризуются различным способом фонетического структурирования речевого ритма, что вызвано индивидуальными историческими изменениями фонологоморфологического уровня, а также процессами, связанными с переходом языковых систем от чисто синтетических к более аналитическим формам. Предполагалось, что динамика ритмических особенностей в диахронии может быть прослежена на материале письменных текстов, относящихся к различным периодам развития языка. Гипотеза исследования применительно к синхронии может быть сформулирована следующим образом. Тексты как письменные, так и устные, рассмотренные в синхронии, характеризуются различной ритмической спецификой, что связано не только с особенностями речевой просодии конкретных языков, но также и с особенностями грамматического строя.

Предметом исследования является ритмическая организация письменных текстов в диахронии и звучащих текстов в синхронии, объектом – особенности членения письменных текстов в диахронии и слухового членения русской, чешской, болгарской, немецкой и английской речи на материале различных текстов с опорой на РС и синтагмы, а также просодические признаки РС и ритмических схем синтагм (РСС) и их сопоставление.

Основная цель исследования – выявление, описание и систематизация ритмических

единиц речевой материи в диахронии и синхронии применительно к рассматриваемым языкам.

Методика исследования включала несколько этапов: анализ письменных текстов применительно к аспекту диахронии с последующей сегментацией последних на ритмические структуры и ритмические схемы синтагм; проведение слухового анализа экспериментального материала с целью сегментации звучащих текстов носителями соответствующих языков без опоры на графическую информацию-подсказку о членении текстов; проведение акустического анализа экспериментального материала на базе новейших компьютерных технологий: обработка полученных данных применительно к каждому из исследуемых языков, использование критериев математической статистики; сопоставление полученных данных в контрастивном аспекте.

Акустический анализ проводился с помощью аппаратно-программного комплекса MEDAV MOSIP (ФРГ).

В данном исследовании анализ ритмической организации в диахронии проводился прежде всего на материале древнерусских акцентированных текстов: "Домострой" (XVI в.), "Повесть 1606 г.", "Соборное Уложение" (1649 г.), "Житие протопопа Аввакума" (XVII в.), "Сказание известно о воображении книг печатного дела" (XVII в.). Ритмическая организация древнерусских текстов в доступных пределах сопоставлялась с ритмической организацией переводов этих текстов на современный русский язык. Для исследования возможной динамики ритмической организации нами были проанализированы некоторые отрывки из старославянских текстов, например, из Зографского евангелия, записанные в гипотетической фонетической транскрипции IX в., то есть до процесса падения редуцированных гласных в слабой позиции, и XI в., — после их падения, что соответствующим образом влияло на ритмическую структурированность письменных текстов, а также фрагмент текста "Поучения" Владимира Мономаха², написанного в 1117 г. [Потапов 1996].

Анализ отрывков из старославянских текстов, записанных в транскрипции IX–XI вв., показал, что процесс падения редуцированных гласных в слабой позиции существенным образом повлиял на изменение распределения классов и типов РС, в то время как "прояснение" редуцированных гласных в сильной позиции абсолютно не повлияло на это изменение.

Вследствие исчезновения редуцированных гласных в слабой позиции, например, на конце слов произошло изменение слоговой длины РС в сторону ее уменьшения. "Пики" значений частотности ритмических структур в текстах старославянского языка перераспределились следующим образом. В текстах, записанных в транскрипции XI в., появляются односложные структуры (в большинстве случаев произошел переход от двусложных к односложным структурам), что еще раз подтверждает факт появления, например, односложных слов в старославянском языке [Хабургаев 1986] и древнерусском языке [Якубинский 1953]. Достаточно частотными становятся двусложные структуры. Трехсложные РС, являющиеся частотными в текстах, записанных в транскрипции IX в., в транскрипции XI в. перемещаются на вторую позицию.

Необходимо отметить, что в четырехсложных РС произошел "сдвиг" типа РС, то есть частотные четырехсложные структуры с ударением на третьем слоге (в транскрипции IX в.) перешли в группу частотных четырехсложных структур с ударением на втором слоге (в транскрипции XI в.). Частотность пятисложных структур с ударением на втором слоге уменьшилась почти в 2 раза.

Анализ распределения классов и типов РС на материале отрывка из текста "Поучения" Владимира Мономаха показал, что в транскрипции XII в. [Зализняк 1985] происходит перераспределение классов и типов РС по сравнению с гипотетической фонетической транскрипцией IX в. Например, частотные трехсложные структуры с ударением на втором и третьем слогах (в гипотетической транскрипции с учетом

² О реконструкции акцентологического облика древнего текста см.: [Зализняк 1985].

редуцированных гласных в слабой позиции) перераспределяются в группу трехсложных структур с ударением на третьем слоге (отрывок текста XII в. с учетом процесса падения редуцированных гласных в слабой позиции).

Процесс падения редуцированных гласных повлиял на формирование классов РС таким образом, что частотность четырехсложных структур с ударением на третьем слоге переместилась в сторону трехсложных структур с ударением на третьем слоге, а частотность трехсложных структур с ударением на втором слоге – к двусложным структурам с ударением на втором слоге. Наблюдается появление односложных структур.

Анализ перевода данного текста на современный русский язык показал, что происходит равномерное распределение частотности РС, представленное дву-, трех- и четырехсложными структурами с ударением на втором слоге. Данный факт свидетельствует о том, что самым распространенным типом РС в текстах перевода на современный русский язык является $n/2$.

В настоящей работе вопросы ритмической организации рассматривались прежде всего на материале акцентуированных текстов XVI–XVII вв., так как именно эти тексты служат основным источником сведений о восточнославянской акцентуации. В большинстве случаев результаты анализа ритмической организации сопоставлялись с результатами анализа переводов данных текстов на современный русский язык.

Интересно, что наблюдается несущественная вариативность РС по их частотности среди анализируемых текстов. Так, в тексте "Домостроя" отмечается незначительное перераспределение частотности РС. Тем не менее, следует подчеркнуть, что самые частотные группы в тексте XVI в. и в переводе на современный русский язык в большинстве случаев совпадают. Так, например, можно фиксировать "пики" частотности, состоящие из двусложных структур с ударением на втором слоге, трехсложных структур с ударением на втором слоге, четырехсложных структур с ударением на втором слоге и пятисложных структур с ударением на третьем слоге.

Анализ ритмической организации древнерусского текста "Соборного Уложения" 1649 г. показал, что "пики" частотности приходятся на односложные и двусложные структуры с ударением на первом слоге, двусложные с ударением на втором слоге, трехсложные с ударением на первом и третьем слогах, четырехсложные с ударением на втором слоге.

Сопоставление распределения классов и типов РС на материале текста "Жития протопопа Аввакума" (текста XVII в. и его перевода на современный русский язык) также дало возможность выявить факт перераспределения частотности структур. Происходит смена "пика" частотности двусложных структур с ударением на первом слоге на двусложные структуры с ударением на втором слоге. Наиболее частотной группой остаются трехсложные структуры с ударением на втором слоге. Четырехсложные структуры с ударением на третьем слоге в тексте перевода на современный русский язык преобразуются в группу четырехсложных структур с ударением на втором слоге.

Анализ выведенной нами формализованной схемы синтагмы дает возможность предполагать, что в переводах текстов на современный русский язык происходят частичные изменения начала (инициали) и конца (финали) синтагмы по сравнению с древнерусским текстом оригинала, то есть наблюдается своего рода *ч а с т и ч н о е р а з р у ш е н и е* древнерусского речевого ритма, закрепленного за рамочной ритмической выделенностью минимальных интонационно выделенных смысловых единиц – синтагм. Эти изменения касаются прежде всего групп максимально частотных РС и РС, занимающих вторую позицию по своей частотности в тексте. Основными типами РС в синтагме текстов древнерусского и современного русского языков являются $n/1$ и $n/2$. Тип РС $n/3$ не несет на себе основной нагрузки в структурировании синтагмы (в качестве исключения можно назвать как текст "Жития протопопа Аввакума", так и его перевод на современный русский язык, где встречаются трехсложные структуры с ударением на третьем слоге).

Односложные структуры полностью исключены из процесса формирования схемы синтагм. Основными классами РС выступают дву- и трехсложные структуры. Объединение первых двух (как и в случае конечных двух) РС в сумме дают от четырех до шести слогов. В целом можно утверждать, что формализованная схема синтагмы древнерусского языка, с одной стороны, в достаточной степени принципиально соответствует формализованной схеме синтагмы современного русского языка (вследствие того, что, как и современный русский язык, древнерусский имел свободное и подвижное при словоизменении ударение, что существенным образом влияет на классы и типы РС, образующих начало и конец синтагмы); с другой стороны, характеризуется достаточным выраженным наличием своих различительных признаков, каузально зависящих от диахронической специфики языка.

Исследование числа слогов между проставленными ударениями в тех текстах, где писцом проставлялось ударение избирательно, например, в "Сказании известно о воображении книг печатного дела", датированном XVII в. сначала без слов с титлами, а затем с учетом слов с титлами, показало, что слова с титлами практически не увеличивают длину безударного интервала между двумя ударениями (как и в случае с более частотным ударением в "Домострое"). Это существенным образом отличает данный текст от текста "Повести 1606 г.", где слова с титлами увеличивают длину безударного интервала приблизительно на пятнадцать слогов. Таким образом, полученный результат может свидетельствовать о том, что при решении данной задачи целесообразен исключительно индивидуальный подход к каждому конкретному тексту. Определенных жестких зависимостей при проставлении ударений (на каждом или не на каждом слове) и использовании слов с титлами не обнаруживается.

В результате сопоставительного анализа морфологического состава РС текстов на древнерусском и современном русском языках установлено, что тексты оригинала и перевода, как правило, содержат идентичный набор частей речи (одной части речи в односоставных РС и сочетания частей речи в дву- и трехсоставных РС). Основными и самыми частотными репрезентантами односоставных РС являются имена существительные и глаголы. В большинстве случаев имя существительное занимает ведущее положение. Здесь же следует отметить, что среди двусоставных РС одним из самых частотных сочетаний является также сочетание с существительным: сочетание предлога с существительным и союза с существительным. По частотности в РС глагол регулярно занимает вторую позицию после имени существительного. Исключением является текст "Поучения" Владимира Мономаха, где в качестве максимально частотной части речи в рамках односоставных РС предстает глагол, что объясняется императивным характером произведения, а также сюжетной динамикой всего повествования в целом. Данный факт также приближает "Поучения" по своему стилю к произведениям художественной прозы [Зубкова 1984]. Использование имени существительного в качестве основной части речи в односоставных РС подтверждает принадлежность анализируемых древнерусских текстов к публицистическому жанру произведений³ (например, "Домострой" – литературно-публицистический памятник XVI в.), или отражает факт сближения с публицистическим жанром произведений (например, "Житие пророка Аввакума"). Сочетание трех и еще реже четырех частей речи в одной РС характерно для очень малой части анализируемых текстов.

Самым частотным сочетанием трех частей речи в рамках РС является сочетание союза, предлога и существительного. Здесь также можно упомянуть и сочетание союза, существительного и местоимения (особенно в текстах древнерусского языка). Сочетания знаменательных частей речи (например, сочетания двух существительных, двух глаголов, двух местоимений) в ритмико-структурной организации текстов почти

³ Та же тенденция прослеживается на материале современных славянских языков [Ротаров 1991].

не представлены. Таким образом, частотность РС с учетом им морфологического состава обнаруживает наличие вполне определенных тенденций. В то же время стилистический фактор может влиять в известной степени на использование тех или иных частей речи, образующих конкретные РС.

В анализируемых нами акцентуированных памятниках XVI–XVII вв. (как и в акцентуированных памятниках XVI–XVII вв. в целом) встречаются пропуски знака ударения, однако их количество в разных памятниках весьма вариативно. Отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений называется "общим коэффициентом акцентуированности" (или "общей плотностью акцентовки") данного текста [Зализняк 1985].

В нашем исследовании выстраивается следующая последовательность анализируемых акцентуированных памятников с учетом общей плотности акцентовки: "Повесть 1606 г." < "Сказание известно о воображении книг печатного дела" < "Житие протопopa Аввакума" < "Домострой", "Соборное Уложение".

В ходе исследования учитывался также тот факт, что знак ударения не ставился почти никогда, если сама подударная гласная в силу сокращения (в частности, под титлом) не выписана, и лишь крайне редко, если над подударной гласной стоит выносная буква. В исследуемых текстах обнаруживается тенденция в проставлении ударения в словах с титлами. Так, встречается достаточное число слов с титлами, где ударение ставится на несокращенной части слова, например, *сѣтымъ*. Тем не менее, встречаются случаи отсутствия ударения там, где ударение могло бы стоять, например, *бѣа*. В основном же слова с подударной гласной под титлом написаны без ударения, например, *бѣжственнаго*.

При раздельном подсчете индивидуальной плотности акцентовки для разных категорий акцентно самостоятельных слов также обнаруживается более низкая плотность для служебных слов, местоимений и глагола *быти*. По всей вероятности, эти слова в некоторых случаях могли быть неполноударными (ср. также [Зализняк 1985]).

В нашем исследовании учитывалась замена в некоторых случаях раннедревнерусского ударения на гласной, завершающей словоформу, на предконечное ударение, то есть дефинализация ударения, например, словоформы: *сыны*, *оумрет* ("Домострой"). Конечное же ударение относительно последовательно показано в союзе *или* (см., например, также "Домострой").

Если задаться целью определения, какой процент покрытия текста осуществляется типичными для русского языка ритмическими структурами (РС), то окажется, что для 80% РС в текстах современного русского языка характерны шесть (РС) (1/1, 2/1, 2/2, 3/1, 3/2, 3/3) [Златоустова 1983], что согласуется с данными, полученными нами на материале переводов древнерусских текстов на современный русский язык; в текстах древнерусского языка – также шесть (2/1, 2/2, 3/1, 3/2, 4/2, 4/3); старославянского языка – пять в фонетической транскрипции IX в. (2/1, 3/1, 3/2, 3/3, 4/3) и шесть в фонетической транскрипции XI в. (1/1, 2/1, 2/2, 3/2, 3/3, 4/2). Данные, полученные на материале старославянского и древнерусского языков, несколько сходны с результатами, полученными на материале современного болгарского языка, где наиболее частотными структурами являются семь типов РС (1/1, 2/1, 2/2, 3/1, 3/2, 4/2, 4/3), включающих четырехсложные структуры с ударением на втором и третьем слогах [Златоустова 1983].

Следует отметить, что как современный русский язык, так и древнерусский имеют общую тенденцию к реализации ударения на среднем слоге структуры.

Таким образом, ритмическая организация древнерусского языка была уже близка к ритмической организации современного русского языка. Качественное и количественное изменение ритмической организации произошло в связи с падением редуцированных гласных в слабой позиции. Увеличение аналитических форм в истории русского языка по сравнению со старославянским (и древнерусским) языком повлияло на ком-

бинаторику тех или иных частей речи в составе ритмических структур, что также, но только опосредованно, оказало влияние на тип РС и формализованную схему синтагмы в целом.

Целью на очередном этапе исследования ритма в диахронии и синхронии явилось изучение ритмической организации текста оригинала "Слова о полку Игореве" (СОПИ), а также сопоставление полученных данных с результатами анализа текстов переводов СОПИ на современный русский язык. В качестве минимальной единицы ритмической организации текста согласно исходной концепции используется также ритмическая структура (РС).

Сначала был проанализирован текст оригинала СОПИ, восстановленный В.В. Колесовым в соответствии с наличием трех разных типов ударения [Колесов 1976] и разделенный Д.В. Хейни [Хейни 1988] на 258 строк, каждая из которых имеет непостоянное число слов и слогов в соответствии с просодическими, стилистическими и семантическими единицами.

После этого были проанализированы следующие переводы СОПИ на современный русский язык: В. Жуковского, А. Майкова, К. Бальмонта, С. Шервинского, Н. Заболоцкого, С. Ботвинника, И. Шкляревского. Вследствие того, что большинство исследователей СОПИ склоняются в пользу музыкального сопровождения при речитативном или певческом характере исполнения, мы решили привлечь к анализу современный богослужебный текст минеи с проставленными ударениями и синтагматическим членением текста. В процессе анализа текстов был использован статистический метод обработки данных.

Общую близость некоторых показателей частотности текста СОПИ и текста минеи можно было бы в какой-то степени объяснить с позиции жанра и определенным предназначением текстов, а также характером их исполнения. Поэтические переводы СОПИ в структурном плане соотносятся прежде всего с поэтическими текстами, что связано с особым поэтическим синтаксисом и требованием метра.

Древневерхненемецкие тексты представлены "Вессобрунской молитвой" (814 г.), "Древневерхненемецким Татианом" (830 г.), средневерхненемецкие тексты – письмом курфюрста Фридриха (1525 г.).

Можно сделать вывод о переразложении ритмической организации немецких текстов, взятых в интервале хронологии от IX в. до XVI в. Переразложение касается, в основном, трехсложных ритмических структур. Если использовать термины стихосложения, то можно утверждать, по крайней мере на данном материале, что дактилический тип трехсложных РС (‘-UU) сменяется амфибрахией (U’-U), что, по-видимому, приводит к большей ритмической вариативности немецкой речи. Однако доминирование двусложных структур с ударением на первом слоге (‘-U) скрепляет (как бы цементирует) основной ритмический каркас немецкого речевого высказывания, характеризующегося преобладанием структур хорейского типа. Таким образом, происходит как бы постепенный отход от аллитерационного характера немецкой речи с опорой на сильные начальные доли (в данном случае слоги) в ранние периоды развития немецкого языка. Вследствие функционирования синкопы, апокопы, элизии, редукции и т.д. происходит своеобразное переразложение ритмического каркаса немецких слов и словоформ.

Неизменным однако остается одно: стержневая ритмическая структура – двусложная с ударением на первом слоге, что не позволяет ритму немецкой речи окончательно утратить своей специфики.

Исходя из наблюдаемых тенденций и отталкиваясь от особенностей ритмической организации текста, можно с определенной долей вероятности экстраполировать данные на просодию текста в его звучащем варианте.

Следует подчеркнуть, что данная методика анализа немецких текстов разных временных пластов проводится впервые. До сих пор работа с письменными текстами проводилась, главным образом, с учетом слов, словоформ и их слогового наполнения без экстраполяции в сферу ритмической структуры (фонетического слова).

Исследование показало, что максимальной частотностью характеризуются односложные слова. Далее распределяются по степени частотности двусложные и трехсложные. Подобное распределение с чисто морфологических позиций с учетом графемного наполнения ни в коей мере не противоречит результатам данного исследования, ибо в нашем случае подход определялся фонетическими критериями объединения слогов (морфем) вокруг главноударного слога (морфемы). В таком случае частотность односложных структур уменьшается за счет их проклитической функции (артикли, частицы, отрицания, союзы и т.д.). Таким образом, и данный подход еще раз подтверждает доминирование в ритмической организации немецкой речи двусложных структур с ударением на первом слоге. Характерным является также меньшая частотность многосложных слов, в которых наблюдается тенденция к появлению одного или нескольких второстепенных ударений, связанных с морфемной структурой слова и тяготеющих к разбиению слова на более мелкие ритмо-структурные блоки.

Сопоставление ритмической структурированности русской и немецкой речи на материале письменных текстов, рассмотренных в диахроническом аспекте с охватом временного периода с IX по XVI вв., позволяет обнаружить наличие следующих тенденций:

- в обоих языках прослеживается перераспределение ритмических структур, вызванное индивидуальными историческими изменениями фонолого-морфологического характера, а также процессами, связанными со сдвигом немецкой и русской языковых систем от чисто синтетических форм к более аналитическим формам;

- для каждого из языков характерна исходно доминирующая в эволюции языка ритмическая структура: для немецкого языка двусложная структура с ударением на первом слоге, а для русского языка – сосуществование двусложных и трехсложных структур с ударением как на первом, так и на втором слогах, большее многообразие структур с тенденцией к реализации ударения на срединном слоге структуры;

- вследствие закрепленности немецкого ударения на корневой морфеме характерным для немецкого ритмического строя является функционирование наряду с главным второстепенного ударения, формирующего четкую иерархию ударений в рамках многосложных структур, чего не наблюдается в ритмической организации русской речи⁴.

Следует подчеркнуть, что результаты настоящего исследования подтверждают состоятельность концепции, согласно которой цементирование морфем в составе иерархически высшей структурной единицы – слова в разных языках могло идти различными путями [Макаев 1965]. Так, в руническом койне цементирование морфем в слове осуществлялось с помощью контрастного противопоставления между главным и второстепенным ударением при доминанте главного ударения. В данной акцентной оппозиции в качестве маркированного члена выступало главное, а немаркированного – второстепенное ударение. В древнегерманских поэтических текстах маркированность главного позиционно начального ударения отражалась в наличии германской аллитерации. Для самой организации древнегерманского слова первостепенное значение имела позиционная закрепленность главного ударения, что, естественно, не могло не влиять на общий ритмический рельеф древнегерманских текстов.

Динамика фонолого-морфологических и позиционных изменений в славянских языках носила иной характер. Функционирование закона Гавлика [Журавлев 1977; 1982; 1986] определило специфику развития акцентной системы славянских языков в диахронии, что отразилось на интегративном характере речевого ритма последних.

Таким образом, с нашей точки зрения, функционирование законов Вернера и Гавли-

⁴ Слова сложной структуры так же, как и относительные проклитики, находясь в определенных условиях во фразе, могут факультативно получать дополнительный акцент. На словесном же уровне второстепенное ударение – фантом, погоня за которым бессмысленна; действие дополнительного акцента проявляется только на уровне фразовой просодии, где и следует продолжить исследование закономерностей его появления в звучащей речи [Каленчук, Касаткина 1993; ПСРП 1996].

ка применительно к германским и славянским языкам сыграло решающую роль при формировании речевого ритма в данных языках.

Экспериментально-фонетический анализ ритмического структурирования текстов в синхронии на материале данных языков позволил найти и описать корреляты ритмического структурирования в терминах просодических характеристик речи.

Исследование ритмической структурированности текстов в синхронии для анализируемых языков дало возможность определить не только специфику распределения РС, но также и выявить особенности структурирования синтагм, их просодического оформления. К числу признаков, позволивших описать интегративную картину речевого ритма, были отнесены просодические и спектрально-временные корреляты звуковых составляющих РС и РСС. Так, распределение частоты основного тона и интенсивности во времени, спектрально-энергетическая выраженность ударных и безударных гласных РС, акустические показатели примыкания соседних составляющих в речевой цепи несут информацию об интегративном характере речевого ритма в синтагматике [Потапов 1993; 1994].

Своеобразная "игра" маркированных и немаркированных ударением членов оппозиции в рамках РС (в плане содержания) и специфика просодического оформления этих РС (в плане выражения) ведут к относительной вариативности речевого ритма в синтагматике по сравнению со схемой РС в парадигматике. Эта вариативность находится в каузальной зависимости от синтактико-семантических и стилистических факторов построения звучащего текста, что может быть выявлено только на уровне фразовой просодии. В основе всякого речевого построения, как письменного, так и устного, находится система правил, образующих своего рода каркас, ведущим признаком которого применительно к ритму нестиховой речи является его гибкость, эластичность. С одной стороны, возможна вариативность, с другой стороны, эта вариативность ограничена определенными правилами, несоблюдение которых ведет к возникновению помех и искажений в ритме речи на том или ином языке.

Таким образом, решение поставленной задачи потребовало разработки специальной методики, с помощью которой стало возможным проведение сравнительно-сопоставительного анализа речевого ритма в текстах в диахронии и синхронии, парадигматике и синтагматике на контрастивной основе. В результате удалось определить основные тенденции становления речевого ритма, показать перспективность подобного подхода при решении поставленных задач.

Обращение к представительной выборке анализируемого материала в синхронии позволило продемонстрировать комплексность понятия "речевой ритм", включающего как специфику соотношения между членами оппозиции "ударность – безударность", так и особенности просодической экспликации комбинаторики подобных оппозиций в тексте.

Распределение акустических признаков в рамках РС отражает также функционирование в речевой деятельности разной артикуляционной базы для того или иного языка, направленной в одних случаях на большую экономию произносительных средств и большую степень упорядоченности звуковых и слоговых составляющих высказывание при реализации речевого ритма, в других – на более вариативную экспликацию последнего.

Динамика (диахрония) и относительная статика (синхрония) ритмического структурирования текстов характеризуются наличием своего рода ритмической универсалии: классов дву- и трехсложных структур с определенным варьированием типов в рамках данных классов.

Полученные результаты "высвечивают" общую тенденцию, с одной стороны, к упрощению (дроблению) утяжеленных (многосложных) ритмических структур в процессе исторического развития анализируемых языков; с другой стороны, к возникно-

вению многочленных сцеплений (конкатенаций) ритмических структур в различных по жанру текстах и появлению второстепенного ударения (например, в немецком и английском языках), дополнительного ритмического ударения в звучащих текстах и т.д.

С нашей точки зрения, в данном случае можно было бы говорить о воздействии на языковой ритм двух сил: центростремительной и центробежной. Действие первой выражается в стремлении сохранить для того или иного языка ограниченное число базовых ритмических структур, действие второй – в стремлении "вырваться" из рамок ограниченного числа ритмических структур и создать многообразие ритмической экспликации текста за счет комбинаторики базовых единиц и функционирования малочастотных структур.

Все вышесказанное позволяет предположить, что прогнозирование дальнейшего развития речевого ритма возможно, однако только лишь с учетом особенностей дальнейшего развития грамматического строя языка, определенных сдвигов в его фонологической системе, специфики языковых контактов, процессов конвергенции и дивергенции, а также с учетом тенденций в изменении интегративных этно-, психо-, социолингвистических составляющих речевой коммуникации.

Наши основные выводы могут быть сформулированы следующим образом [Потапов 1998]:

- с общенаучных позиций речевой ритм – неотъемлемая часть проявления общего закона распределения и функционирования каких-либо элементов в пространстве и времени, образующих системно-структурное единство более сложного иерархически организованного целого (объекта, явления, процесса);
- исследование речевого ритма в диахронии является ключом к пониманию современного состояния данного феномена в синхронии;
- специфика речевого ритма функционально связана с аспектами его рассмотрения в парадигматике и синтагматике;
- наиболее существенные сдвиги в динамике речевого ритма являются результатом дискретного перехода от одного состояния к другому на основе фонологического, акцентологических и грамматических изменений языка, при которых количество инноваций переходит в новое качество интегративных характеристик ритма;
- развитие речевого ритма в исследуемых языках детерминировано процессом, при котором свободное, подвижное индоевропейское словесное ударение было утрачено в германских языках и осталось в ряде славянских языков;
- значительное влияние на интегративный рельеф речевого ритма в том или ином языке оказывает специфика его грамматического строя;
- реализация речевого ритма соотносится с функционированием диалектических категорий общего (общезыкового), особенного (подсистемно-языкового) и единичного (индивидуального);
- функционирование речевого ритма в тексте может быть представлено как комбинаторика оппозиций с элементами варьирования маркированных (ударных) и немаркированных (безударных) членов оппозиций;
- ритм нестиховой (прозаический) речи можно интерпретировать как способ актуализации речевой материи, характеризующейся квазирегулярной повторяемостью иерархически сопряженных элементов (звуков, слогов, ритмических структур, синтагм) и их соответствующей фонетической экспликацией;
- интегративный ритмический рельеф конкретного языка находится в прямой зависимости от частотности и характера взаимосвязи (конкатенации) функционирующих ритмических структур;
- речевой ритм конкретного языка и его фонетическая экспликация характеризуются наличием каузальной зависимости от физиологических (моторных, фонационных и артикуляторных), психических, физических, социальных, этнических факторов, присущих процессам развития языкового коллектива в филогенезе;
- понятие речевого ритма является компонентом понятия интонации, о б р а з у я

гибкий пространственно-временной каркас последней;

- речевой ритм может быть рассмотрен в двух аспектах: в плане содержания и плане выражения, при этом акцентно-структурная специфика ритма образует план содержания, а фонетическая (просодическая и спектрально-временная) экспликация – план выражения;

- фонетическая экспликация речевого ритма находится в зависимости от синтактико-семантических и стилистических факторов, однако степень этого влияния вариативна;

- ритмический каркас нестиховой речи по своей природе не является абсолютно жестким и характеризуется относительной гибкостью со многими степенями свободы, однако полный отход от реализации этого ритмического каркаса ведет к аритмии речи (например, в случаях патологии и различного рода речевых нарушений);

- наиболее информативным источником для изучения речевого ритма является текст (письменный и устный);

- контрастивное исследование речевого ритма дает возможность выявления типологически релевантных признаков и универсалий в данной области знаний;

- развитие речевого ритма подвержено действию центростремительных и центробежных сил, благодаря чему реализуется относительное равновесие между базовыми (доминирующими) и маргинальными ритмическими структурами;

- многоаспектное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии, парадигматике и синтагматике может способствовать дальнейшей разработке проблемы с позиций прогнозирования тенденций развития речевого ритма применительно к конкретному языку и/или группе языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брызгунова Е.А. 1963 – Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
Г. 1969 – Грамотки XVII – начала XVIII века / Ред. С.И. Котков. М., 1969.
Журавлев В.К. 1977 – Правило Гавлика и механизм падения редуцированных в славянских языках // ВЯ. 1977. № 6.
Журавлев В.К. 1982 – Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
Журавлев В.К. 1986 – Диахроническая фонология. М., 1986.
Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. 1982 – Л.В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
Златоустова Л.В. 1981 – Фонетические единицы русской речи. М., 1981.
Златоустова Л.В. 1983 – Универсалии в просодической организации текста (на материале славянских, германских и романских языков) // Вестн. Моск. ун-та. 1983. № 4.
Златоустова Л.В. 1996 – Сопоставительная просодия в славянских языках // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1996. Вып. 1.
Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. 1997 – Общая и прикладная фонетика / Под ред. Р.К. Потаповой. М., 1997.
Златоустова Л.В., Хитина М.В. 1988 – Частотность единиц ритма русской речи // Вестн. Моск. ун-та. 1988. № 1.
Зубкова Л.Г. 1984 – Морфемно-слоговая корреляция в акцентной структуре имени и глагола в русском языке // Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы. Вып. 1 / Отв. ред. Л.В. Бондарко. Л., 1984.
Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. 1993 – Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // ВЯ. 1993. № 4.
Калиева А.К. 1992 – Фонетическое слово как единица ритма немецкой звучащей речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
Колесов В.В. 1976 – Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976.
Котков С.И., Панкратова Н.П. 1964 – Источники по истории русского народного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.
Кривнова О.Ф. 1982 – Ритмо-ударная форма синтагмы в научном тексте // Просодия текста: Тез. докл. научно-метод. конф. М., 1982.

- Микаев Э.А. 1965 – Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.
- Митусевич М.И. 1976 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Поплавская Т.В. 1995а – Ритмическая структура речи и фонетическая подсистема языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1995.
- Поплавская Т.В. 1995б – Речевой ритм в синхронии и диахронии. Минск. 1995.
- Потапов В.В. 1993 – Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи // ВЯ. 1993. № 5.
- Потапов В.В. 1994 – Опыт лингвоконтрастивного исследования фонетических систем английского и русского языков // Филологические науки. 1994. № 2.
- Потапов В.В. 1996 – Речевой ритм в диахронии и синхронии. М., 1996.
- Потапов В.В. 1998 – Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
- Потапова Р.К., Блохина Л.П. 1986 – Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М., 1986.
- ПСРР. 1996 – Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Хабургаев Г.А. 1986 – Старославянский язык. М., 1986.
- Хейни Д.В. 1988 – К вопросу о просодической системе «Слова о полку Игореве» // Слово. Комплексные исследования. М., 1988.
- Хитина М.В. 1986 – Единицы ритма русской речи и их использование в различных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Шерба Л.В. 1963 – Фонетика французского языка. М., 1963.
- Якубинский Л.П. 1953 – История древнерусского языка. М., 1953.
- Potarov V.V. 1991 – On the rhythmic organization of spoken Czech, Bulgarian and Russian // *Phonetica Francofortensia*. 1991. 5.
- Sappok Ch. 1983 – Die syntagmatische Gliederung der Äußerung im Russischen und im Polnischen // *Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983* (Slavistische Forschungen 40). Köln; Wien, 1983.
- Sappok Ch. 1988 – Die Rekonstruktion intonatorischer Regularitäten anhand von schriftlich fixierten Texten: Das Beispiel der russischen *gramotki* aus dem 17. Jahrhundert // *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988* (Slavistische Forschungen 54). Köln; Wien, 1988.